

G a i s e r K. Die plautinischen Bacchides und Menanders Dis-
exaraton. - Philologus, 1970, t. II4, S. 57; G r i s e -
l i a R. Sul problema ..., p. 61; A l f o n s i L. Dal Dis-
exaraton alle Bacchides. - Aegyptus, 1969, t. 49, p. 77.

8 Квеста обращает внимание на это отличие, но не придает
ему значения, полагая, что sequor введено Плавтом только
для того, чтобы дополнить стих (Q u e s t a C. Alocne strut-
ture sceniche di Plauto e Menandro, p. 193).

Е.Г. Рабинович

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ АНТИЧНОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Наиболее яркой особенностью посвященных античной биогра-
фии исследований представляется постоянное использование тер-
мина "биография" (или "жизнеописание"), ретроспективно навязы-
ваемого античным авторам. Так, известная фраза Плутарха: οὐτε-
ύαρ ἱστορίας γράφομεν, ἀλλὰ βίους (Alex., I) обычно пере-
водится: "Мы пишем не историю, а жизнеописание", хотя букваль-
но здесь сказано: "Не сведения мы записываем, но жизни". Никто
не вложил бы в уста Плутарху выражение "эллинистическая эпоха",
а вот говорить о жизнеописаниях ему позволительно. Неясное сло-
воупотребление редко сочетается со строгостью концепции. Ре-
зультатом терминологической неопределенности, царящей в иссле-
дованиях биографического жанра, явился отказ Диле от целостно-
го описания жанра, коль скоро нам неизвестны его истоки и не-
доступно его определение.¹ О невозможности установления жанро-
вых границ пишет также С.С. Аверинцев.² Итак, расплывчатый
термин означает не менее расплывчатый феномен - да и нужны ли
термины для описания столь безграничных понятий? Мы полагаем
целесообразным заранее оговорить, что в этих заметках речь
пойдет о той группе текстов, которые самими древними называ-
лись βίος или vitae, что соответствует столь же употре-
бительному русскому 'жития' - этот жанр мы вправе назвать

биографическим, а создателей его биографами. Единственное огра-
ничение античного термина будет заключаться в изъятии из числа
житий немногочисленных автобиографий, которые будут проанали-
зированы в другой работе.

Биографический жанр возник в хорошо изученную эпоху (IV в.
до н.э.) на фоне развитой литературы, обладавшей даже и норма-
тивной поэтикой, наверняка знакомой первым биографам, которые
принадлежали к кругу перипатетиков. Можно ли поверить, что об-
разованнейшие люди своего времени, сами того не заметив, соз-
дали новую разновидность литературы и что биография сама собой
выкристаллизовалась из некоего "добиографического" раствора,
насыщенного "предбиографическими" формами? Подобные концепции
(а они существуют) ставят под сомнение все, что мы знаем о гре-
ческой культуре IV в. до н.э. и о перипатетиках в частности.
Да и всеобщая история литературы свидетельствует, что жанр
обычно рождается (создается, импортируется, изымается из фольк-
лора) в конкретных условиях, имеет конкретного основоположника
или основоположников и стойкую норму, сознательное или бессоз-
нательное забвение которой означает гибель жанра. Первый био-
граф известен - это Аристоксен Тарентский,³ известна и его
культурная среда, кратко характеризуемая ниже.

Усиленное развитие этики, начавшееся уже во времена Сок-
рата, не было результатом имманентного развития философии - те
же вопросы, хотя и по-иному, трактовались на сцене, в судебных
речах и в исторических сочинениях. Замкнутая община ограничива-
ет сферу дозволенного и сферу возможного: не только соблюдение
полисных норм, но даже их нарушение в сумме дает не столь уж
многочисленные этические варианты. Однако развитие античной
цивилизации в целом характеризуется последовательным расшире-
нием границ, обычно определяемым современной наукой как "кри-
зис" и всегда сопровождающимся расцветом культуры. Жизнь в ши-
роком и многообразном мире эллинской свободы рождала нравствен-
ные проблемы, ответом на которые уже не могли быть ни памятки
Гиппарха, ни сентенции семи мудрецов - эту задачу взяли на се-
бя искусство (трагедия) и философия, сначала умообразительная и
рефлексивная, а затем поставленная Аристотелем на подлинно на-

Учную основу, поскольку Аристотель первым сделал предварительное изучение и описание фактов необходимой базой любого обобщения. Обобщение не только основывалось на фактах, но и сопровождалось этими фактами — соответственно, создание перипатетической этики предполагало сбор сведений о нравах, т.е. преимущественно анекдотов и сентенций, которые должны были служить иллюстрацией философского обобщения. Тенденция к всеобъемлющему охвату, к созданию тезауруса, столь характерная для перипатетической школы вообще, здесь, конечно, сохранялась. Кажется, будто отсюда не так уж далеко до жития, главным элементом которого и является анекдот, однако "изучение признаков, отражающих душу человека" (Plut., Alex., I), не привело перипатетиков к созданию интересующего нас жанра, поскольку это противоречило бы нормативной поэтике Аристотеля.

Обращаясь к "Поэтике", мы находим там пассажи, которые, на первый взгляд, могли бы служить рекомендациями оудущим биографам (например, VI, I449b, 36; VI, I450b, 7) в основном на предмет использования характерных сентенций. Правда, далее Аристотель относит еще не существующее житие к области исторического (единичного): "А единичное — это, например, что сделал или претерпел Алкивиад" (IX, I45I6, IO),⁴ хотя параграфом ниже отмечает, что реальность и вымысел одинаково могут быть предметом литературы (I45I6, 25), а, значит, героем может быть и Алкивиад. Требуя последовательности в описании характера (XV, I454a, 24), Аристотель со всей определенностью отдает предпочтение сюжетной стороне произведения (VI, I450a, I5 aqq), что снижает престижность биографического жанра, лишённого сюжетных хитросплетений, однако не отменяет его — и все же далее следует прямой запрет: "Сказание бывает едино не тогда, как иные думают, когда оно сосредоточено вокруг одного <лица>, — потому что с одним <лицом> может происходить бесконечное множество событий, из которых иные никакого единства не имеют: точно так же и действия одного <лица> многочисленны и никак не складываются в единое действие. Поэтому думается, что заблуждаются все поэты, которые сочиняли "Гераклеиду", "Фесиду" и тому подобные поэмы — они думают, что раз Ге-

ракл был один, то и сказание <о нем> должно быть едино" (VIII, I45Ia, I6-22). Итак, жизнь не может быть сюжетом, даже если это жизнь Геракла: повествование, как и трагедия, строится вокруг единого действия (Ibid., I46Ia, 30). Единственным допустимым сюжетом остается сюжет драматический. Самый факт существования такого культурного феномена, как биографическое предание (сумма сведений о жизни некоего героя, запечатленная в памяти культуры), Аристотель признает, будь то легенда о Геракле или об Алкивиаде, но в литературу он это предание согласен допустить лишь в разъятом на "действия" виде. Стало быть, для последовательного перипатетика анекдоты и сентенции не обобщаются в житие. Нормой остаются два вида обобщения (вполне традиционные для родины Софокла и Платона): I — обобщение в трагическом сюжете, где характер второстепенен, и 2 — обобщение в философском трактате, иллюстрированном частны и случаями (т.е. "Этика" Аристотеля). Однако первым биографом не мог бы стать человек, вовсе чуждый школе Аристотеля и не причастный составлению этического тезауруса — он не обладал бы обобщаемым в житие материалом. Нужен был непосредственный перипатетик, "гость Ликей" — таковым и оказался Аристоксен Тарентский, покинувший ради Афин одну из последних пифагорейских общин Великой Греции.

Чрезвычайно существенно то обстоятельство, что, примкнув к перипатетикам, Аристоксен сохранил, если можно так выразиться, пифагорейские амбиции — занимался преимущественно мучительной теорией, обвинял Платона в неоговоренных заимствованиях пифагоровой мудрости. Он, впрочем, принял участие в фактологических разговорах перипатетиков, составив "Исторические записки" и "Разрозненные заметки", часто цитируемые поздними биографами. Однако он же сделал жизнь сюжетом и составил первый в мире биографический сборник, включив в него жития Пифагора и Архита, а также Сократа и Платона (сравнение было не в пользу последних), т.е. преступил перипатетическую норму, воспользовавшись перипатетическим материалом.

Как уже отмечалось выше, биографическое предание было бесспорным фактом античной культуры, однако крайне редко от-

ражалось в литературе полностью. Биографические повествования имеются у Геродота, но они входят в текст большего объема и совсем иного назначения. "Биографичны" охаживаемые Аристотелем "Фесеида" и "Гараклеида", но здесь разумнее говорить не о био-, а о географии. Аристоксен первый ограничил предмет повествования биографическим преданием о реальном лице, поставив пределами фабулы пределы жизни и сделав содержанием сюжета течение жизни, что соответствует двойному значению слова βίος — образ жизни, срок жизни. По классификации "Поэтики" житие может быть отнесено только к историческому повествованию, в котором "приходится описывать не единое действие, а единое время и все в нем приключившееся с одним или со многими" (XXII, I459a, 21); однако в этом случае житие должно рассматриваться как подготовительный материал, и вместо порядка "сбор анекдотов и сентенций — их классификация — их обобщение в доктрину" мы получили бы порядок "сбор биографий — их расчленение на анекдоты и сентенции — классификация этих фрагментов — их обобщение в доктрину", поскольку уже имевшиеся фиксации биографических преданий использовались именно таким образом. Создание жития как итогового текста, объединяющего и обобщающего подготовительные, приравнивает его к другим итоговым текстам, т.е. к поэзии и философии. "Подобным единому и целому живому существу" (Poet., XXII, I459a, 21) здесь оказывается единое и целое живое существо — человек.

Столь новаторский прием должен все же иметь некий источник, однако находящийся не в перипатетической традиции, нарушенной и преобразованной Аристоксеном, а в иной традиции, хорошо ему известной и вряд ли учтенной в "Поэтике". Безуспешность (или чрезмерная успешность) поисков литературного прототипа биографии объясняется, на наш взгляд, именно его отсутствием. Следовательно, речь может идти только о некоем культурном явлении, и, действительно, существует культурная традиция, рассматривающая жизнь человека как единое действие и хорошо знакомая Аристоксену — это пифагорейзм и пифагорейское жизнестроительство.

Жизнестроительство — весьма распространенный культурный феномен и в общем виде представляет собой организацию челове-

ком собственной жизни по плану, типологически сходному с нормативной поэтикой. Нормы жизнестроительства не обязательно противостоят общепринятым социальным нормам, но обязательно от них отличаются — так письменный текст, даже оудучи максимально приближен к устному высказыванию, никогда не бывает ему тождествен. Таким образом, нормативной поэтикой жизнестроительства является индивидуальная норма поведения (этикетная установка), наложенная на общепринятый этикет (Сократ) или противопоставленная ему (Диоген), но всегда носящая демонстративный характер, поскольку для жизнестроителя собственная жизнь есть реализация умозрительной доктрины. Основой первой европейской жизнестроительной доктрины было учение о метемпсихозе — концептуальный источник пифагорейских этикетных норм. Метемпсихоз есть воплощение вневременной души в бесконечном ряде конечных жизненных циклов, последовательно детерминированных. В этом смысле пифагорейская жизнь может быть описана в терминах "Поэтики" (XVIII, I455b, 24-26), обладая завязкой, часто находящейся "вне драмы", поскольку всякое рождение обусловлено предыдущей жизнью, и обладая также развязкой, т.е. "переходом к счастью", — это и есть пифагорейское жизнестроительство, положившее начало прочим обусловленным доктриной индивидуальным этикетам. (Любопытно отметить, что пифагорейская концепция жизни включала в себя даже нечто вроде понятия биографического сборника — таковым была память о прагматических воплощениях, дарованная Пифагору богами и рассматривавшаяся как желанная награда.)

Итак, Аристоксенов сборник можно описать как пифагорейское оформление перипатетического материала. Подобно классическому труду Плутарха, сборник этот преследовал, без сомнения, и сопоставительную цель: судя по сохранившимся отрывкам, жития Пифагора и Архита описывали истинных любознателей, а жития Сократа и Платона носили едва ли не разоблачительный характер — во всяком случае, именно со ссылкой на Аристоксена даны у Диогена Лаэртского все порочащие Сократа анекдоты. Каждый индивидуальный этикет, отраженный в житии, должен был находиться в сравнительном ряду других этикетов — начиная с

Аристоксена, желательной нормой является не одиночное житие, а биографический сборник, что может быть признано одной из наиболее существенных особенностей жанра и отчасти объясняет успех его у перипатетиков, оценивших возможности этой разновидности этического тезауруса.

Новорожденный жанр, совместивший характеристики "истории" и "поэзии" (в терминах Аристотеля), имел поучительно-развлекательное назначение, уподобляясь в этом смысле ученым поэмам, которые Аристотель литературой не считал (Poet., I, 1447b, 15), но которые тем не менее осознавались в качестве таковой. Житие было наиболее доступным видом этического обобщения и для читателя, всегда предпочитающего познание через конкретный пример, и — что весьма существенно — для тех, кто должен был удовлетворить читательский спрос, поскольку сочинить трагедию (даже плохую) чрезвычайно трудно, а составить биографический сборник (особенно посредственный) сравнительно легко. Распространенность и устойчивость жанра прямо пропорциональны его воспроизводимости, а воспроизводство биографического жанра было упрощено до предела. Поэтому в отличие от самозванных тегок не существующих ныне жанров античной литературы биографический жанр, сохраняя Аристоксенову норму, постоянно расширяет круг авторов и читателей, а также героев.

Проблема героя при анализе античного биографического корпуса оказывается одной из ключевых. Так, расцвет жанра в имперскую эпоху вполне основательно связывается с расцветом политического жизнеописания, т.е. опять-таки с выбором героев. Можно наметить две тенденции, проистекающие от двойственной познавательно-развлекательной природы жития и отражающиеся на составе биографического корпуса. С одной стороны, это тяготение к универсализму и к информативной преэминентности — отсюда увеличение объема новых сборников за счет поглощения предыдущих (так компилятивный труд Диогена Лаэртского "понижает спрос" на Неанфа или Гермиппа, вытесняя их в собрания фрагментов). С другой — это постепенное расширение списка "непоглощаемых" героев, новье жития которых не отменяют предыдущих.

Писать о Цезаре и читать о Цезаре всегда интересно, ибо никогда не бывает лишней биография легендарной личности. Легендарность далеко не всегда находится в прямой пропорции с реальными заслугами: например, Диоген легендарнее Аристотеля, Катон легендарнее Помпея и т.д. Категория легендарности относится к числу культурных категорий, будучи пересечением действительной жизни героя, восприятия этой жизни современниками и потомками (биографического предания) и, наконец, отражения этого предания в собственно биографии и в зависящих от биографического жанра текстах.

Это возвращает нас к одному из источников биографического жанра, а именно к пифагорейскому жизнестроительству. Особенности Пифагора как легендарного философа, философа *par excellence*, заключалась в том, что все его поступки были обусловлены единой доктриной, выступавшей в качестве нормативной поэтики жизнестроительства. Отсюда правило составления философского жития — поведение философа обусловлено доктриной. Индивидуальный этикет мудреца оказывается, следовательно, практической реализацией декларированной системы: поэтому, например, жития киников похожи между собой, но не похожи на жития пифагорейцев. Такое тиражирование этикетных установок, естественно, привлекает интерес биографа и читателя к родоначальникам соответствующих традиций, особенно если эти традиции предполагают этикетную экстравагантность: житие киника занятнее жития перипатетика, а из киников наиболее занятен Диоген. Если биограф недоброжелателен к своему герою, то поведание последнего сохраняет жизнестроительную последовательность, меняя лишь качественную характеристику этой последовательности — император Александр у Луккиана последователен в порочности и лживости. Итак, жизнь философа характеризуется его неизбежной ориентацией на биографическое предание, в котором он будет фигурировать как живой (плохой или хороший) пример своей собственной этической доктрины, ставшей четкие границы его нравственным возможностям, — во всяком случае тем, которые отразятся в предании и в житии.

Рядом со строго детерминированным философским этикетом этикет политический может показаться лишним системы. Политический

тик обладает значительной этикетной самостоятельностью: доктрина Диогена предопределяла его рваный плащ, но самодержавные амбиции Гальбы отнюдь не предопределяли его староримского аристократизма. Пример Гальбы весьма характерен как пример "нелегендарного героя". Его реальная жизнь включает в себя поступки двух видов - исторически значимые и этикетно значимые. Исторически значимые поступки детерминированы внешними обстоятельствами, этикетно значимые - выбором определенной и долженствующей быть опознанной современниками и потомками этикетной традиции. Исторически значимые поступки могут совершаться из этикетных соображений (выбор Гальбой наследника), но чаще сами нарушают последовательность этикета. В целом этикет "рядового" политика может быть описан как ограниченно действующий, но опознаваемый, а корпус политических биографий оказывается сводом по преимуществу "опознанных" характеров. Занимательность любого политического жития в том, что характер (выбор этикетной традиции) опознается лишь в процессе чтения: "философ-стоик" - довольно подробное предварительное описание личности, а "римский император" - определение внеличностное.

Поскольку, как отмечено выше, легендарность не находится в прямой связи с историческими заслугами, источником ее может быть лишь этикетно значимое поведение героя. Легендарные личности, естественно, находятся в меньшинстве, поэтому целесообразно рассматривать легендарность как некое отклонение от описанной выше рядовой нормы, условно говоря, как некую "патологию этикета". "Нормальный" политический этикет характеризуется двумя параметрами: качественным (опознаваемым единством) и количественным (ограниченностью). Патология этикета есть нарушение одного из этих параметров. Существуют, следовательно, два источника легендарности, которые условно могут быть обозначены как гипертрофия этикета (нарушение ограниченности) и этикетный плюрализм (нарушение единства): в первом случае герой являет собой образец, во втором - загадку.

I) Гипертрофия этикета политического есть норма этикета философского, т.е. жизнестроительство. Деятели этого типа -

всегда неудачник, обладающий, однако, огромным культурным влиянием и вошедший в память культуры (в том числе в биографические сборники) в качестве примера добродетели (Катон) или злодея (Нерон). Легендарные личности этого типа среди политиков редки, поскольку гипертрофия этикетного поведения вступает в противоречие с политической практикой, однако само их наличие указывает на распространенность в античную эпоху различных форм жизнестроительства, приобретшего новую актуальность с наступлением христианства и нашедшего наиболее яркое отражение в житиях святых.

2) Этикетный плюрализм представляет собой специфическое явление именно в политической практике и может подразделяться на два подвида: а) смена этикета и б) совмещение этикетов. Возможность смены этикетов привлекала внимание уже одного из первых эллинистических биографов - Гермиппа, написавшего "Жития мужей, перешедших от добродетели к тирании или династическому владчеству". Отражение смены этикета в житии хорошо известно по политическим жизнеописаниям Светония, посвятившего специальные рубрики поведению своих героев до и после прихода к власти. Наиболее ярким ореолом легендарности среди легендарных личностей этого типа окружен Август, однако можно предполагать, что и легендарная добродетель Тита оказалась таковой именно из-за предшествовавшей ей порочности. Если в случае смены этикета этикетные установки достаточно очевидны и загадочность персонажа связана с затруднительностью выбора "истинного" его характера, то случай совмещения этикетов открывает возможность не только описания, но и интерпретации, что намечает пути к углубленному психологизму романтической и неоромантической европейской биографии. Сравнительно простым примером совмещения этикетных установок ("римской принцесс" и "философ-стоик") является Марк Аврелий, одним из самых сложных - Александр Македонский, любимый герой многих поколений биографов. Этикетный плюрализм далеко не всегда воспринимается биографическим преданием в качестве такового и зачастую способствует возникновению параллельных и противоречивых традиций, порой отражающихся в современных исследованиях уже в форме концепций. Так,

на редкость привлекательным объектом историко-психологических упражнений оказался для ученых и беллетристов император Юлиан, чья личность, по словам современного исследователя, сделалась "символом, который помогает людям понять себя",⁵ и в чьих противоречивых биографических легендах, действительно, отразилось все многообразие форм европейской рефлексии, далеко еще себя не исчерпавшей, как не исчерпал себя и биографический жанр.

П р и м е ч а н и я

¹ D i h l e A. Studien zur griechischen Biographie. Stuttgart, 1956 (вступление).

² А в е р и н ц е в С.С. Плутарх и античная биография. М., 1973, с. 22.

³ W e h r l i Fg. Die Schule des Aristoteles. Basel, 1946, Bd II, Aristoteles.

⁴ Здесь и далее цитаты из "Поэтики" даются в переводе М.Д. Гаспарова по изданию: А р и с т о т е л ь и античная литература. М., 1978 (текст "Поэтики" на с. III-163).

⁵ B r o w n i n g H. The emperor Julian. London, 1976, p. 235.

М.Е. Мерхасина

ТРАДИЦИОННЫЙ РИТОРИЧЕСКИЙ ТОПОС "СЧАСТЛИВОЙ ПРОСТОЙ ЖИЗНИ" И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ У ДИОНА ХРИСОСТОМА

Традиция идеализации отдельных народов восходит к Гомеру (Ил., XIII, 5 сл.). Он упоминает гиппомолгов, справедливейших смертных, питавшихся только молоком. Гесиод в "Трудах и днях" (ст. 109-120) идеализирует "золотой век" и острова блаженных. Геродот (IY, 17-23) перечисляет многие народы, но